

еженедельно по Субботамъ. Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ Имперіи, въ С. П. и М. Почтовыхъ газетныхъ Экспедиціяхъ и въ С. П. Б., у книгопродавца Псакова.

Годовая цѣна:
Въ Тифлисѣ 7 руб. серебромъ.
Съ пересылкою и доставкой на домъ
Полугодовая:
Съ пересылкою и доставкой надомъ!

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

По военному ведомству.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ лагерѣ при селеніи Петергофъ, соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Юня 25-го дня 1846 года.

Производится, за *примѣрное отличіе въ дѣлахъ противу Горцевъ*: Состоящій по Кавалеріи, Командующій Гребенскимъ Линейнымъ Казачьимъ полкомъ Подполковникъ Суловъ, въ Полковники, съ утвержденіемъ Командиромъ сего полка, съ оставленіемъ по Кавалеріи.

Находящійся при Лабинскомъ Линейномъ Казачьемъ полку, состоящій по Кавалеріи Майоръ Алкинъ, назначается Главнымъ Приставомъ Закубанскихъ родовъ, съ оставленіемъ по Кавалеріи.

Юня 26-го дня 1846 года.

Назначается: Святы ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Майоръ Гогель, Помощникомъ Начальника Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находящагося, съ оставленіемъ въ Святы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Юля 1-го дня 1846 года.

Производится, за *отличіе по службѣ*: Изъ Полковниковъ въ Генералъ-Майоры: Исправляющій должность Начальника 3-го Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, числящійся по Арміи Гогенбахъ, съ утвержденіемъ въ настоящей должности и съ оставленіемъ по Арміи.

Командиръ Апшеронскаго пѣхотнаго полка Ковалевскій 2-й, съ назначеніемъ Командиромъ 1-й бригады 21-й Пѣхотной дивизіи.

Состоящій по особымъ порученіямъ при Главкомандующемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, числящійся по Артиллеріи Полковникъ Князь Орбелианъ назначается Командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО объявляетъ Высочайшее благоволеніе Члену Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края, Управляющему учебною частію, состоящему по Арміи Генералъ-Майору Шрамму 2-му, за постоянноусердную его службу.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ КАВКАЗА.

Тифлисъ, 27 Юля. Его Сіятельство Князь Намѣстникъ Кавказскій прибылъ сюда въ прошедшую Субботу, 20-го Юля, изъ Кахетіи, и пробывъ здѣсь четыре дня, отправился во Владикавказъ, 25-го числа.

Баку. Въ 30 верстахъ отъ Баки, въ селеніи Сара, 12 лѣтній мальчикъ, единственный сынъ жителя той деревни Асанъ Али Зельфугара Оглы, посланъ былъ матерью своею, съ пищею для отца, занимавшагося въ полѣ уборкою хлѣба. Но прошелъ полдень, наступилъ и вечеръ, а мальчикъ не явился къ отцу, и тотъ, голодный и сердитый за доставленіе ему обѣда, возвращался домой. Вдругъ, подъ заборомъ одного огорода, недалеко селенія, увидѣлъ онъ трупъ своего сына, а возлѣ него, лежалъ верблюдъ съ окровавленною мордою и копытами. Кожа съ головы мальчика была содрана, черепныя кости во многихъ мѣстахъ раздроблены, руки и ноги изломаны и весь корпусъ изуродованъ.

Полагаютъ, что верблюдъ, желая отнять у мальчика несомую имъ отцу пищу, встрѣтя сопротивленіе, изтерзалъ его.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ

Осетинъ, ингушъ и ихъ соплеменниковъ, при разныхъ случаяхъ.

(Окончаніе).

Баденъ-те (бдѣніе). Такъ называются тоже поминки, дѣлаемые Осетинами, въ горахъ живущими, въ день нашего праздника Богоявленія Господня. На кануи днѣ баденъ-те, дѣлаютъ человѣческую

фигуру, одѣваютъ ее въ платье, надѣваютъ оружіе, и сажаютъ вечеромъ въ сакль, куда сходятся на всю ночь родственники и знакомые покойнаго. Передъ фигурою ставятъ свѣчи, сперва плачутъ, молятся, продѣлываютъ *ада-дай*, и потомъ всю ночь развлекаются сказкою норта (Осетинскаго барда), которую онъ сопровождаетъ музыкою на дву-струнной скрипкѣ; въ промежуткахъ, слушатели пьютъ и ѣдятъ; такъ проходитъ вся ночь баденъ-те. — Осетины, живущіе на плоскости, не дѣлаютъ болѣе этихъ бдѣній.

Клятвы и присяги. — Ихъ очень много; Ингуши, Осетины и прочіе Горцы клянутся и присягаютъ именемъ тѣхъ святыхъ, которыхъ они почитаютъ. Идолопоклонники клянутся преимущественно кумиромъ *галъердъ*. Касательно присягъ есть различныя, какъ наиримѣръ: послѣ удачнаго набѣга, когда получаютъ хорошую добычу; у Осетинъ есть, такъ называемая, военная присяга. Предводители партій употребляютъ ее, чтобъ узвать безъ утайки, сколько каждый участникъ набѣга приобрѣлъ добычи? Для этого, два человека, обнаживъ шапки, становятся шагахъ въ двухъ лицемъ къ лицу, и держатъ передъ собою шапки, упирая концомъ въ землю, образуя такимъ образомъ родъ прохода, черезъ который каждый милиціонеръ долженъ пройти; послѣ чего онъ объявляетъ начальнику, все что взято у непріятеля; рѣдко случалось, говорятъ Осетины, чтобъ послѣ этого испытанія, кто нибудь изъ нихъ утаилъ свою добычу.

Ингуши присягаютъ и клянутся на берегу Сухаго оврага, *гуимате* именуемаго, *длохъ* дубомъ разбитымъ молніею. Общія и клятвы, данныя ими въ этомъ мѣстѣ, считаются ненарушимыми.

Прежде, вмѣсто присяги на покорность, народъ, или старшины, приходили къ завоевателю съ повѣшенными на шеяхъ шапками; еще Графъ Гудовичъ принималъ такую присягу отъ Лазовъ; она была въ употребленіи и у здѣшнихъ Горцевъ, но теперь вывелась.

Самыя тяжелыя клятвы считаются данныя въ *лаусъ-гананъ*, въ очищеніе себя по подозрѣнію въ воровствѣ или убійствѣ. Этотъ день считается столь важнымъ, что всѣ сомнительныя, перѣшныя дѣла откладываютъ до *лаусъ-ганана*; тогда все объясняется, и почти не было примѣра, чтобы дѣйствительно виновный не признался, если на него указываютъ; напротивъ, виновать ли онъ, или нѣтъ, но если учаемый присягаетъ въ своей невинности, то освобождается отъ всякаго подозрѣнія.

Какъ выше сказано: въ *лаусъ-гананъ* собираются всѣ жители аула, для поминокъ на кладбищѣ; тамъ, въ присутствіи живыхъ и мертвыхъ, тотъ, кто подозрѣваетъ кого либо изъ претворящихъ въ убійствѣ своего родственника, или воровствѣ у него чего нибудь, подводитъ подозрѣваемаго къ могилѣ покойнаго, и заставляетъ его поклясться въ своей невинности. Тотъ клянется, объявляя: что онъ не виноватъ, или, если виноватъ и солжетъ, то да будетъ онъ, и все его семейство рабами убитаго на томъ свѣтѣ за такое клятвопреступленіе. Кого подозрѣваютъ въ воровствѣ, то употребляютъ стратагему легче прельзущей: хозяинъ украденнаго приводитъ на кладбище собаку, или кошку, и торжественно объявляетъ: кто украдетъ такую-то вещь, для родственниковъ того онъ рѣжетъ въ кушанье эту собаку или кошку! Этотъ аргументъ такъ сильно дѣйствуетъ на виновныхъ, что почти всегда признаются въ своихъ проступкахъ, потому, что нѣтъ грѣха болѣе тяжкаго, какъ угостить своихъ предковъ кровью нечестныхъ животныхъ, какими считаются, между прочимъ, собака и кошка.

Слѣдующая клятва считается весьма тяжелою; рѣдко случается, чтобъ кто нибудь ее произнесъ, но присягнувъ разъ, ни за что не рѣшится нарушить присягу. «Я, нижепоименованный, клянусь «всемогущимъ Богомъ, Святымъ Михаиломъ Архангеломъ, и почитаемымъ нами святымъ мѣстомъ *Цомади-Ковзадъ*, въ томъ-то и т. д. Если «я нарушу мое клятвенное обѣщаніе или прѣрѣченіе, то да не увижу гробовъ предковъ моихъ, да истлѣютъ кости мои въ землѣ чужой;

«да откажетъ мнѣ земля, питающая меня, въ «плодахъ своихъ; вода, утоляющая жажду мою, да «пресѣчетъ теченіе свое; воздухъ, которымъ я «дышу, да нанесетъ на меня и народъ мой тяж- «кіе педуги, и наконецъ, небо во гнѣвѣ своемъ, «да исполнитъ на клятвопреступника всѣ бдѣ- «ствія, во власти его находящіяся; да изольется «на могилахъ предковъ моихъ и на мой собствен- «ный родъ, если я нарушу клятву мою кровью нечи- «стыхъ животныхъ: собаки, кошки и сын- «цы!» (*) —

Талисманы, у Горцевъ употребляемые, хотя не представляютъ никакой особенной занимательности, но по одному обстоятельству заслуживаютъ быть упомянутыми; они зашиваются въ кожу небольшой треугольникъ листоваго желѣза, въ срединѣ коего вырѣзанъ крестъ; въ эту же ладонку насыпаютъ толченнаго угля и сѣры, иногда зашиваютъ сплюснутыя пули, бывшія на жертвенникахъ, землю, листья и травы; все это считается предохраненіемъ отъ нечистой силы и смерти, отъ пуль и шашекъ: такія ладонки носятъ на шеѣ; дѣтямъ ихъ надѣваютъ въ первый разъ, въ понедельникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста. Эти два дня по Осетински называются *Туторъ* (Фараонъ). — Преданіе говоритъ: что въ эти дни войско Фараона, преслѣдовавшее Израильтянъ изъ Египта, потонуло въ Черномъ морѣ. Эти преданія извѣстны всѣмъ Осетинамъ и Ингушамъ, и дни считаются торжественными. Всѣ живущіе на плоскости и въ горахъ, доселѣ почитаютъ ихъ одинаково. Не менѣе страшныя обычай сохранившіяся у Осетинъ въ дни Фараона (*Туторъ*) зашиваютъ у всѣхъ дѣтей на правомъ плечѣ на сорочкѣ едва примѣтный крестикъ.

Многіе носятъ магометанскія молитвы; онѣ также довольно занимательны; ихъ пишутъ на полосѣ бумаги, шириною въ вершокъ, длиною въ ростъ человека, по Арабски, за подписью и печатью муллы. Если мѣрка приходится владѣтелю, какъ разъ по его росту, то онъ считаетъ себя виѣ всякой опасности отъ пуль, шашекъ и дьявольскаго навожденія.

При такомъ грубомъ состояніи народа, при такихъ полужыческихъ понятіяхъ о таинствахъ религіи, нельзя и думать, чтобы люди, стоящіе почти на послѣдней ступени гражданскаго образованія, не имѣли самыхъ негнѣныхъ повѣрій и предрассудковъ. Все предъдущее легко объясняетъ такое предположеніе: *Дзарю-Гаста*, *Дзуаръ-Лакъ*, *Лаусъ-Гананъ* служатъ лучшими тому образчиками. А легковѣріе, вообще всѣхъ Горцевъ довершаетъ ихъ заблужденія: ничего нѣтъ легче, какъ прослыть между ими за пророка или святаго человека. Всякій умалишенный почитается ими за что-то сверхъ-естественное. Горскіе возмутители, начиная отъ *Шихъ-Мансура*, объявившаго себя за пророка, до *Шамилля*, всѣ пользовались легковѣріемъ народа, выдавали себя за пророковъ, дѣлались предводителями партій хищниковъ, и такимъ образомъ играли суевѣріемъ Горцевъ, для достиженія своихъ цѣлей; — примѣру ихъ слѣдовали другіе, второстепенные возмутители, выдавая себя тоже за пророковъ; такъ напр. въ 30-хъ годахъ, въ одномъ изъ Ингушскихъ ауловъ явился пророкъ, который увѣрялъ ихъ, будто онъ разъ ночью умеръ, и слеталъ на небо; тамъ, святой дагъ ему кувшинъ молока, такого, что кто его навѣется, можетъ бить, рѣзать, не слушаться никого, будетъ цѣль и невредимъ стоя противъ пушекъ, и еще получить награду на томъ свѣтѣ.

Въ другой разъ, между Ингушами разнесся слухъ: что какой-то *Джанхота* улетѣлъ на небо. Всѣ собрались къ нему въ аулъ, ожидая скорого возвращенія *Джанхота*, новостей и чудесъ; какъ ихъ не убѣждали, они никакъ вѣрить не хотѣли, что это обманъ; наконецъ старики, ѣздившіе во Владикавказъ, и видившіе *Джанхота*, сидящаго на гаубтвахтѣ, объяснили Ингушамъ чудесное путешествіе его на небо, и тѣ только тогда успокоились.

(*) Эта присяга, по мѣсту *Цомади-Ковзадъ*, принадлежитъ собственно Адагирцамъ, почитающимъ его; но она также страшна для всякаго другаго народа, съ перемѣною лишь святаго мѣста.

Таковы религиозные обряды и обычаи Горских народовъ, населяющихъ Владикавказскій округъ; многихъ я самъ былъ очевидный свидѣтель, другіе мнѣ переданы людьми, знающими хорошо, какъ эти обычаи, такъ и Русскій языкъ, и заслуживающими довѣрія. Въ заключеніе, я считаю не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ о раздѣленіи времени года у Осетинъ и Ингушъ, какъ для того, чтобъ показать различіе языка этихъ двухъ племенъ, такъ и для того, чтобъ читатель видѣлъ степень образованія Горцевъ.

Годъ у Осетинъ *Азъ*, у Ингушъ *Шо*, считается въ 365 дней; первый день празднуется и соображается съ Русскимъ новымъ годомъ. Раздѣленія на мѣсяцы Ингуши не знаютъ. У нихъ есть слова для названія планеты *Бутъ* (луна). Осетины знаютъ только два мѣсяца: первый послѣ новаго года, *Тенджи-май* (январь) и потомъ *Марти-май* (мартъ); для прочихъ не существуетъ названія, да и самый мартъ, вѣроятно, перешелъ недавно отъ Русскихъ на языкъ Осетинъ. Но причинъ, по чему имъ угодно было скорѣе включить въ свой календарь мартъ, чѣмъ другой какой либо мѣсяць, я не могъ доискаться.

И у Осетинъ собственно *май* (мѣсяць) не есть названіе части года, а планеты.

Мѣсяцы свои они считаютъ отъ новолунія, по четыре недѣли.

Недѣля, по Осетински *куру*, по Ингушски *кера*; день по Осетински *богъ*, по Ингушски *де*. Счетъ дней недѣли и у тѣхъ и у другихъ, начинается съ понедѣльника. Но не многіе занимаются такими пустяками; ихъ мало беспокоитъ годъ, мѣсяць и число; имѣющіе сношенія съ Русскими, употребляютъ Русскія названія и счетъ; изъ Магометанъ, кой кто знаетъ счетъ Эгиръ, прочіе ничего не знаютъ. Понедѣльникъ по Осетински: *Кури-серъ* (голова нед.)

— Ингушски *Ориштъ*.

Вторникъ — Осетински *Дузъ-цегъ* (дзѣ — 2).

— Ингушски *Шинира*.

Среда — Осетински *Ертетъ-цегъ* (ертѣ — 3)

— Ингушски *Каръ*.

Четвергъ — Ос. *Цыгъ-парамъ* (цыгъ-паръ — 4)

— Ингушски *Ера*.

Пятница — Осетин. *Майрамъ-богъ* (марьянъ д)

— Ингушски *Периска*.

Суббота — Осетински *Саббатъ* (конецъ).

— Ингушски *Шатъ*.

Воскресенье — Осетински *Хуау-богъ* (вожій день)

— Ингушски *Киринда* (воскресенье).

А. М.

ЗАМОКЪ ВАРДИХЕ.

ПОВѢСТЬ.

(Послани. З. С. А.)

Въ Имеретіи, богатой множествомъ историческихъ памятниковъ зодчества, въ небольшомъ разстояніи отъ рѣкъ Квирилы и Риона, видны по сю пору живописныя развалины замка Вардихе, построеннаго, какъ говорятъ Грузины, въ XII столѣтіи, знаменитою Царицею ихъ Тамарою. Слово *вард-цихе* значитъ по Грузински *крѣпость розъ*. Преданіе говоритъ, что этотъ замокъ былъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія Царицы, которая была краше солнца и луны, краше неба и звѣздъ. Сколько можно догадываться, по постройкѣ замка и по мѣстоположенію его, то нужно думать, что онъ былъ когда-то окруженъ широкимъ ровомъ, наполненнымъ водою, которая имѣла истокъ въ Квирилу, посредствомъ особо устроеннаго канала. Старожилы окрестныхъ деревень помнятъ даже, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, замокъ Вардихе былъ почти цѣль. Слѣдовательно, надъ его разрушеніемъ трудилось не столько время, сколько люди.

Извѣстно, что на огромномъ пространствѣ Закавказскаго края, начиная отъ береговъ Каспійскаго до Чернаго моря и Кавказскихъ горъ и къ Югу, до границъ Персіи, разбѣяно множество историческихъ памятниковъ, многиѣ достойныхъ самаго тщательнаго изученія. Только, весьма не многіе изъ нихъ извѣстны намъ изъ описаній путешественниковъ; большая же часть до сихъ поръ не изслѣдована. Причина такого пренебреженія къ этимъ памятникамъ разноплеменныхъ народовъ, совершившихъ уже кругъ политическаго своего существованія, заключается, конечно, не столько въ недостаткѣ любознательныхъ и свѣдущихъ людей, сколько въ томъ, что самъ народъ не дорожитъ ими: разрушеніе, начатое временемъ, или рукою непріятели, доканчиваетъ онъ самъ, разбирая ни памятниковъ письменности, ни зодчества, ни живописи. Проѣзжая по Грузіи, вы встрѣчаете часто на вершинахъ горъ или у подножья ихъ, или же въ самыхъ селеніяхъ, остатки храмовъ, замковъ и другихъ сооружений, древность которыхъ восходитъ за пятьсотъ или восемьсотъ лѣтъ до нашего времени; спрашиваете о нихъ у окрестныхъ жителей—и слышите много прекрасныхъ преданій, лучше всего объясняющихъ характеръ самаго народа; начинаете разсматривать эти древности и, къ сожалѣнію, видите иногда

свѣжіе слѣды недавняго разрушенія, оставленные человекомъ; но изумленіе ваше проходить, когда тѣ же жители говорятъ вамъ, что они стараются совсѣмъ уничтожить эти гнѣздилища Лезгинъ и дикихъ звѣрей.

Послѣ этого, не должно казаться страннымъ, что и Исторія Грузіи, которая дѣятельными изысканіями иностранныхъ путешественниковъ и слѣпымъ подражаніемъ имъ писателей нашихъ, вставлена въ какія-то фантастическія рамы, — въ настоящее время болѣе похожа на сказку, чѣмъ сколько нибудь на повѣствованіе о судьбѣ народа, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ. Правда, есть у Грузинъ и лѣтописи; но, пока онѣ не очищены историческою критикою, нельзя давать имъ вѣры. Они могутъ служить только прекрасными матеріалами для поэта или романиста, посвятившаго время изученію Грузинскихъ древностей.

Содержаніе этой повѣсти относится къ эпохѣ царствованія въ Грузіи Царицы Тамары и взято изъ преданія.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ дней, которымъ, въ старыя годы, обыкновенно начинали всякую повѣсть или романъ, у ветхой крестьянской избушки, когда-то лучшей изъ всѣхъ избъ, разбросанныхъ вокругъ Вардихскаго замка, сидѣлъ слѣпой скрипачъ и наигрывалъ унылыя пѣсни. Его слушалъ старикъ лѣтъ восьмидесяти, хозяинъ избушки, да двѣ молодія крестьянки, дочери старика; — передъ ними рѣзвились и бѣгали ребятишки, порой передразнивая слѣпаго скрипача. Пристально смотрѣлъ старикъ на музыканта, который казался ему вовсе незнакомымъ.

— Изъ какаго ты селенія, пріятель? спросилъ онъ наконецъ своего гостя. Я здѣсь живу десять лѣтъ, но видать тебя мнѣ не случилось.

Скрипачъ, молча, продолжалъ играть.

— Не изъ Тифлиса-ли? повторилъ старикъ, взявъ его за руку.

Слѣпецъ покачалъ головою въ знакъ отрицанія и показалъ языкъ, отрѣзанный до половины. Жестыны отступили назадъ.

— Бѣдный, сказала одна изъ нихъ; какое у него пріятное лицо; онъ еще не слишкомъ старъ.

— Да, прибавила другая, ему не болѣе сорока пяти лѣтъ; онъ долженъ быть изъ царскихъ вояновъ. У кого бы натъ?

Старикъ хотѣлъ было уже послать за сосѣдомъ, посланиномъ лѣтъ восьмидесяти, чтобъ спросить его — не знаетъ ли онъ слѣпца, — какъ подошли къ нимъ двое дворянъ: одинъ молодой человекъ довольно привлекательной наружности, а другой — мужчина пожилыхъ лѣтъ.

— Кто этотъ слѣпецъ? спросилъ младшій своего товарища. Какъ онъ прекрасно играетъ? не знаешь ли, чей онъ крестьянинъ?

— Ни чей, отвѣчалъ тотъ протяжно, живетъ себѣ въ какомъ-то мѣстѣ; имѣетъ тамъ хижину и наигрываетъ на скрипкѣ. Только странно, что онъ зашелъ сюда.

— Да кто же онъ такой? Не помѣшанный ли?

— Его никто не знаетъ. Извѣстно только, что онъ изъ знатныхъ дворянъ, и лѣтъ десять тому назадъ царь отнялъ у него сына; а за то, что настойчиво просилъ царя возвратить ему единственнаго наследника, отрубили ему языкъ и выкололи правый глазъ. Да онъ и лѣвымъ плохо видитъ.

Молодой дворянинъ призадумался, вперивъ глаза въ несчастнаго слѣпца.

— Деда, деда (маменька, маменька), закричали дѣти, посмотри, кто это скачетъ сюда?

По ровной долинь, на ворономъ конѣ, мчался всадникъ, въ полномъ вооруженіи. Это былъ красивый мужчина, лѣтъ двадцати пяти, средняго роста. Замѣтивъ издали небольшую кружокъ людей и между ними младшаго изъ дворянъ, онъ свернулъ съ большой дороги и подѣхалъ къ нему.

— Здравствуй, Рамазъ! что это за музыкантъ?

— Не знаю, я тоже вижу его въ первый разъ. Онъ нѣмъ—безъ языка...

— Значитъ — счастливіе насъ! ты не знаешь, царица не выѣзжала нигуда изъ замка?

— Не знаю. Посмотри, Шота, какъ онъ старается разглядѣть насъ, сказалъ Рамазъ, указывая на скрипача, который пересталъ играть.

— Богъ съ нимъ! Лучше, скажи мнѣ, царица не спрашивала ли меня сегодня?

— Да что ты съ своей царицей; вотъ смотри на слѣпца, который во сто разъ занимательнѣе.

— Поди ты съ своимъ слѣпакомъ..., проговорилъ съ досадою Шота; отвѣчай на вопросъ.

— Ну, она спрашивала, только не сегодня, а вчера вечеромъ. Когда мы съ тобою разстались, я встрѣтилъ Георгія; онъ, кажется, замѣтилъ тебя переодѣтаго и говорилъ мнѣ, что Тамара съ нетерпѣніемъ ждетъ твоего пріѣзда.

— Георгій скромный человекъ. А сегодня ты съ нимъ не видѣлся?

— Видѣлся; но онъ ничего не знаетъ о поч-

номъ твоёмъ путешествіи въ замокъ.

— Ну, слава Богу. Прощай!

— Куда же ты?

— Вду къ Тамарѣ.

— Стой, Шота! Георгій говорилъ мнѣ, что царица, не шутя, хочетъ заставитьъ тебя поохотиться за тою маленькою птичкою, которую не давно привезли въ замокъ и держатъ въ одной клеткѣ съ вороной.

— Искусный охотникъ не гонится за мелкими птичками, проговорилъ послѣшно Шота, и посккалъ въ замокъ.

Между тѣмъ, слѣпецъ собрался ужъ въ дорогу.

— Куда ты, пріятель? спросилъ его Рамазъ. Не хочешь ли погостить и у меня? ты такъ хорошо играешь, что, право, можнобы было расплакаться, еслибы не при этихъ женщинахъ.

Скрипачъ указалъ рукою на дальнія горы и потихоньку пошелъ къ большой дорогѣ.

— Не задерживай, Рамазъ; его, вѣрно, ждутъ въ другой деревнѣ, сказалъ его товарищъ.

— Я и не задерживаю; но хотѣлось бы знать— когда онъ еще будетъ сюда. Знаешь ли что, Джимшеръ, продолжалъ Рамазъ шопотомъ, о моемъ отцѣ тоже вѣдь говорятъ, будто скрывается въ мѣстѣ; а я его, признаться, не хорошо помню.

— Развѣ твоего отца отнимали когда нибудь сына?

— Нѣтъ. Но, можетъ быть, это выдумка, чтобъ впунить болѣе сожалѣнія къ скрипачу? Пойдемъ, Джимшеръ, пойдемъ за нимъ.

У воротъ замка сидѣло нѣсколько придворныхъ служителей. Завидя издали всадника, они привстали, и когда тотъ подѣхалъ къ нимъ, то, младшіе степенями своихъ званій, почтительно подошли къ нему и взяли у него коня. Шота скорыми шагами сталъ подыматься по устланной дорогими матеріями лѣстницѣ, ведущей въ царскіе покои. У входа въ первую и пріемную комнату, два тѣлохранителя, высокаго роста, въ полномъ вооруженіи, обнаживъ тяжеловѣсныя сабли свои, скрестили ихъ надъ головою Шоты и пропустили его въ комнату.

— Царица одна? спросилъ онъ, переступивъ порогъ.

— Главный визирь, охотничій, да двое царскихъ совѣтниковъ бесѣдуютъ съ царицей, отвѣчали тѣлохранители.

Шота, съ досадою, присѣлъ на скамью и сталъ ожидать конца аудіенціи. Съ отдаленныхъ покоевъ царицы долетали только едва слышныя трели соловья, да прерывистые удары *даиръ* (бубна), на которой играли придворныя дѣвушки. Шота скоро погрузился въ задумчивость; — казалось какая то неопытная тоска, томилъ его и онъ безпрестанно вздрагивалъ и хватался за рукоять сабли. Въ такомъ положеніи просидѣлъ онъ долго, вперивъ глаза въ дальній небосклонъ, который едва мелькалъ сквозь рѣшетчатые окна замка. Внезапный шорохъ за дверьми сосѣдней комнаты и звуки женскихъ голосовъ, невольно заставили его оглянуться, онъ сталъ прислушиваться.

..... Какъ онъ похожъ на него!

— Да, сказалъ другой голосъ, нужно будетъ сказать Рамазу.

— Бѣдный, онъ безъ языка; какъ жаль, что не можетъ пѣть. Ты вслушалась ли, Тасія, онъ все пѣсни Шоты игралъ.

— Да когда ты, Нина, перестанешь говорить и думать все только о Шотѣ?

— Говорить о немъ перестану, когда и у меня отрѣжутъ языкъ, а думать — когда слягу въ могилу!

— Вотъ какъ? вскрикнула Тасія; а я этого не знала. Что, еслибы онъ теперь подслушалъ тебя?

— Пусть бы подслушалъ... Пойдемъ, Тасія, царица скоро выйдетъ, — сказала Нина и пошла къ дверямъ пріемной комнаты.

— Стой, Нина, не ходи, — я тебѣ что-то расскажу, только поклянись никому не сказывать!

— Клянусь...

— А вотъ что: — смотри, и кормилицѣ не говори. Шота влюбленъ въ царицу! Помнишь, когда мы стояли за дверьми, передъ его отъѣздомъ, и онъ говорилъ царицѣ: одно мгновение разлуки съ тобою — есть для меня вѣковая, могильная темнота.

— Ошибаешься, Тасія. Шота любить и уважаетъ ее, какъ подданнѣй свою государыню, а не иначе; такъ мнѣ и кормилица говорила.

— Да, думай такъ; ты еще ни разу не видала, какъ коротко обращается онъ съ царицею; и при томъ, еще кой-чего не знаешь; да и кормилица ни за какіе подарки тебѣ не скажетъ.

— Что-жъ это такое? спросила съ любопытствомъ Нина. Скажи мнѣ, Тасія, я никому въ свѣтъ не открою!

— Никому, сказала съ усмѣшкою Тасія; ну, а еслибы самъ Шота спросилъ тебя? и ему бы не открыла?

— Шоты здѣсь нѣтъ; да и съ какаго повода онъ бы сталъ меня спрашивать? Ты знаешь, что, съ тѣхъ поръ, какъ привезли насъ во дворецъ, я ни разу еще и не разговаривала съ нимъ, а

этому ужъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

— Не разговаривала... а какое счастье съ нимъ говорить! Кромѣ царицы, онъ даже и смотрѣть ни на кого не хочетъ; а если ужъ посмотритъ, то такимъ волкомъ, что невольно глаза жмуритъ. Онъ думаетъ, что знатнѣе и красивѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ. Экая важность, что сочиняетъ стихи и что пѣсни его вездѣ поютъ! Кормилица тоже ихъ сочиняетъ, но не чванится, какъ онъ. Право, досадно какъ вспомнить!

— Ну, полно, Тася, онъ вовсе не таковъ, какимъ ты его представляешь. Рассказывай же, и я послѣ кое-что скажу тебѣ...

— Знаю заранѣе, что мнѣ скажешь. Заставишь двадцать разъ побожиться, а потомъ и шепнешь на ухо: Шота тебя вороной прозвалъ. А онъ, вѣрно, не знаетъ, что теперь отъ одного моего слова зависитъ вся его участь. Пусть не надѣется на свои почести и славу; защитниковъ-то у него мало; князья, хоть сегодня, готовы растерзать его въ куски. Ты думаешь, что имъ пріятно видѣть, какъ онъ каждый день свободно ходитъ къ царицѣ и пользуется ея ласками; а они, знатнѣе его родомъ и богатствомъ, не смѣютъ даже безъ доклада къ ней войти...

— Тася, душечка, расскажи мнѣ, что знаешь; кланюсь, что шкмоу не открою! сказала умоляющимъ голосомъ Нина.

— Смотри Нина, никому ни слова; а то обѣ пропадемъ. Вотъ слушай: вчера, ночью, я долго не могла уснуть; царица тоже не спалась; она безпрестанно вздыхала, часто вставала съ тахты (родъ кровати) и ходила по комнатамъ. Наконецъ, утомленная, она прилегла опять и заснула. Спусти довольно долгое время, вдругъ слышу — отворяются двери и кто-то входитъ въ спальню. Я перепугалась, закуталась въ одѣяло и долго пролежала въ такомъ положеніи. Наконецъ, когда мнѣ стало душно, я подняла голову и представъ себя мое удивленіе... Ахъ, Нина, я не забуду этой ночи!

— Что такое, что? спросила Нина, задыхаясь.
— Въ спальнѣ было свѣтло: мѣсяцъ свѣтилъ въ окна; я посмотрѣла и — мужчина высокаго роста, блѣдный... ахъ, Нина, страшно говорить!.. послѣ расскажу...

— Нѣтъ, нѣтъ, Тася, — продолжай...
— Онъ стоялъ передъ царицей и смотрѣлъ на нее, а она спала... Онъ весь дрожалъ... задрожала и я, и невольно вскрикнула. Незнакомецъ, какъ молнія, исчезъ...

Шота, едва удерживая дыханіе, старался не проронить ни одного слова.

— Царица не проснулась отъ твоего крика? прервала Нина.

— Нѣтъ, она не пробудилась. Я встала, вышла къ кормилицѣ и начала молиться. На другой день кормилица объяснила мнѣ, что этотъ незнакомецъ — твой любезный Шота.

— А она откуда узнала?

— Спроси ее. Но она правду говорить, я и сама припоминаю, что это действительно онъ былъ.

— А царица не знаетъ объ этомъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаетъ. И Боже сохрани, сказать кому нибудь объ этомъ. Кормилица запретила мнѣ даже открывать и тебѣ.

— Нѣтъ, Тася, это не Шота былъ. Онъ бы не рѣшился...

— Не рѣшился... да я его хоть варенаго узнаю. Онъ, весь дрожа, стоялъ блѣдный, какъ мертвецъ, вверивши глаза въ спящую Царицу; а она, представъ себя...

Тутъ Тася, понизивъ голосъ, стала продолжать шепотомъ. Подслушивающей подошелъ къ самымъ дверямъ, но кромѣ безвѣстныхъ словъ, ничего не могъ услышать. Впрочемъ, ему не трудно было догадаться — о чемъ шептала Тася.

— Негодная дѣвчонка, какъ она могла замѣтить меня! проговорилъ онъ сквозь зубы и отошелъ къ стѣнѣ.

Разговаривающія, которыхъ Шота узналъ съ первыхъ же словъ, были двѣ придворныя дѣвушки, обходящія въ тотъ часъ съ золотыми курительницами въ рукахъ волшебные покои Царицы. Тася, злая и лукавая, какъ старая дѣва, и въ добавокъ безобразная, составляла рѣзкую противоположность съ Ниною, по наружности и по характеру. Ниноѣ было около восемнадцати лѣтъ; казалось, природа остановила на ней всѣ свои дары, для выраженія невинности, кротости, вѣжливости и красоты; — прекрасные впадые голубые глаза ея были постоянно отуманены грустью; — блѣдная тосковала; она была влюблена въ Шоту болѣе чѣмъ можно было ожидать отъ такого слабаго и невиннаго созданія; влюблена — и некому было повѣрить сердечной тайны, открыться въ страсти, которая мучила ее. Тася она долго не рѣшалась признаться, чтобы не подать ей повода къ безконечнымъ насмѣшкамъ надъ собою, а кормилицѣ — потому, что стыдилась ее. Но хитрая старуха все уже знала.

Не успѣлъ Шота отойти отъ дверей, какъ въ ближнихъ комнатахъ раздался звонкій голосъ царицы; — она приказывала позвать къ себѣ старшаго тѣлохранителя. Дѣвушки выбѣжали въ пріемную комнату и вдругъ, съ ужасомъ, лицомъ къ лицу, встрѣтились съ Шотою.

— Шота, проговорила едва внятно Нина, и не могла тронуться съ мѣста.

— Вы насъ подслушали? сказала поблѣднѣвъ, дрожащимъ голосомъ Тася.

— Я только — что вошелъ сюда и прошу васъ, благородная дѣвица, доложить обо мнѣ государынѣ.

— Только — что вошла? Нѣтъ, вы давно здѣсь стоите! — проговорила она съ угрозою и обратилась къ Ниноѣ, которой становилось дурно:

— Пойдемъ, Ниночка, пойдемъ, а то ты здѣсь упадешь! и взявъ подругу подъ руку, вышла изъ пріемной.

Шота опять остался одинъ, томимый досадою, что ночныя похождения его имѣли свидѣтеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ, открытіе сердечной тайны блѣдной Нины, заставило его невольно задуматься.

Спусти нѣсколько минутъ, вѣжалъ маленькій пажъ царицы и просилъ Шоту слѣдовать за собою.

Стараясь придать лицу своему выраженіе веселое, Шота твердыми шагами послѣдовалъ за пажемъ въ покои царицы. Тамара сидѣла на великолѣпной тахтѣ, покрытой дорогими парчами, слегка облокотясь о *мутаку* (круглая подушка), шитую золотомъ. Голова ея была небрежно повязана бѣлою шалью, на подобіе турецкой чалмы; изъ подъ шали, на бѣлыя, какъ лиліи, плеча и полуоткрытую, но покрою платья, грудь, въ безпорядкѣ упали длинныя черныя волосы и густыми волнами лежали на складкахъ верхней одежды. Сверхъ платья изъ дорогой матеріи, дара Венеціи, на ней былъ родъ курточки изъ темно-зеленаго бархата, унизанной въ узоръ дорогими камнями. Предъ юной повелительницею Грузин, царицей красоты, роскоши и славы, въ нѣмомъ подострастнѣ сидѣли: двое царскихъ совѣтниковъ, молодой охотничій, да старшій визирь. Она совѣщались съ ними о предстоящей войнѣ.

При входѣ Шоты, царедворцы почтительно привстали съ своихъ мѣстъ и поклонились ему. Тамара слегка кивнула головою.

— Здравствуй, Руставель! Давно ли пріѣхалъ? ласково сказала Тамара, указывая ему рукою на тахту.

— Только — что съ дороги, государыня, отвѣчалъ Руставель, низко кланяясь и садясь на указываемое ему мѣсто.

— Что тамъ слышно? нѣтъ ли набѣговъ на наши границы?

— Слышно только, царица, что наши дикіе сосѣди, Горцы, трепещутъ твоего имени.

— Прекрасно. А Турки?

— Они врываются въ Ахалцыхскія границы и хотятъ завладѣть всею областью.

— Правда. Я думаю, сказала она, обратившись къ царедворцамъ, что намъ не должно медлить. Много нами уважаемый охотничій пажъ, доказавъ уже свое усердіе къ намъ и выставивъ семь тысячъ войска. Надѣюсь, господа, что и вы послѣдуете его примѣру, поспѣшите наборомъ войска и будете готовы по первому нашему призыву. Отъ васъ зависитъ честь, нашего отечества.

Руставель сурово посмотрѣлъ на царедворцевъ.

— Великая царица наша, достойная дочь достойнаго родителя, блаженной памяти, мудраго Царя Георгія! сказалъ визирь, привставши съ мѣста; семь странъ свѣта, семь великихъ царей,зираетъ на тебя, какъ на солнце. Мы, ничтожные рабы, счастливы, что можемъ считаться твоими подданными. И если отъ насъ зависитъ честь нашего любезнаго отечества, равно общаго для тебя и для насъ, то знай, великая государыня, что прежде чѣмъ жемчужныя уста твои произнесутъ призывное къ намъ слово, уже будемъ готовы съ войскомъ, столь же многочисленнымъ, какъ песокъ морской, и столь же храбрымъ, какъ войско Давида.

Тамара поднялась съ тахты и поклонилась. Царедворцы встали.

— Этотъ молокососъ опять появился здѣсь, сказалъ одинъ изъ царскихъ совѣтниковъ, своимъ товарищамъ, спускаясь съ лѣстницы.

— Не кому было лизать ея ногу! сказалъ краснорѣчивый визирь.

— Не долго ему летать, прибавилъ охотничій; наткнется на стрѣлу...

Съ этими словами они разошлись.

— Ну, Шота, не правда ли, что мои сановники ни въ чемъ не уступаютъ хваленымъ тобою римскимъ сенаторамъ? сказала съ улыбкою Тамара, когда тѣ вышли.

— Пользуясь приказаніемъ твоимъ, царица, говорить тебѣ обо всемъ откровенно и смѣло, отвѣчалъ Руставель, скажу я, что сановники твои даже превосходятъ римскихъ: тѣ не боялись правды, а

эти не боялись лжи; тѣ не краснѣли передъ народомъ, а эти не краснѣютъ и передъ тобою; тѣ...

— За то ты не сравнишься съ ними въ храбрости.

— Отличенный тобою, царица, среди этихъ храбрецовъ, я не желалъ бы сдѣлать съ ними ничего общаго. Рассказываютъ, государыня, что когда покойный родитель твой, блаженной памяти царь Георгій, отправлялъ ихъ на войну, то увѣщевалъ ихъ не о томъ, чтобы смѣло сражаться, но — избѣгать постыднаго бѣгства.

— Ты разстроены, Шота, лице твое покрыто блѣдностью. Не мучить ли тебя бессонница?

— Истинно, царица, отвѣчалъ покраснѣвъ Руставель, — я страдаю, но только бессонницею заботъ и мучительныхъ страстей; страдаю, но...

— Тебѣ пріятно страдать, ты это хочешь сказать? А пріятно потому, что причиною тѣ, которыхъ ты не видишь.

— Царица! я былъ бы слишкомъ малъ и низокъ, еслибъ презиралъ людей изъ одного тщеславія! нѣтъ, презирая однихъ, я люблю другихъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе къ первымъ мое презрѣніе.

— Удивляюсь, Шота, какимъ образомъ ты, человекъ, который объѣздитъ много странъ, встрѣчалъ много людей, различныхъ по вѣрѣ, языку, обычаямъ, характеру, и наконецъ — получивъ отъ хорошихъ наставниковъ и образованіе отличное, — ты не можешь сойтись съ моими царедворцами, которые знали тебя еще въ колыбели.

— Не удивляйся, царица, отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ Руставель; добро и зло, какъ двѣ противоположности, встрѣчаются въ первый разъ у колыбели человека и никогда не сходятся. Такимъ же образомъ, мать избѣгаетъ встрѣчи съ убійцею, который, поразивши ея мужа, ищетъ удобнаго случая вырвать изъ рукъ ея и послѣдняго груднаго ребенка. Свѣтъ не можетъ сойтись со тьмою, огонь съ водою.

— И Шота-Руставель — съ двумя стариками, моими совѣтниками, полуумнымъ охотничимъ, да еще съ нѣсколькими, подобными имъ, — сказала, качая головою, Тамара. Слушай меня, Руставель, ты знаешь, что цѣтъ ничего легче, какъ помирить васъ?

— Какимъ образомъ, царица?

— Объ этомъ-то я и желала давно поговорить съ тобою и окончательно, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней мы должны разстаться: — я отправлюсь въ походъ, а ты останешься исполнить мое желаніе.

— Царица Тамара, сказала со вздохомъ Руставель, въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ садовъ, куда не всякому смертному доступно было входить, подъ тѣнью державнаго дуба, росли два кустарника: одинъ былъ колючій тернъ, а другой роскошный розанъ. Они оба были насажены разновременно рукою хозяина сада, добрейшаго въ мірѣ царя. Когда розанъ пускалъ еще отростки свои, то тернъ ужъ считался старымъ кильцемъ и другомъ могучаго дуба. Умеръ хозяинъ и садъ поступилъ во владѣніе прекрасной царевны, лучезарной-какъ солнце, великой-какъ небо. Широко распускалъ свои вѣтви угрюмый тернъ, стараясь занять все пространство подъ тѣнью стараго дуба; а розанъ цвѣлъ тихо, но пышно: его не мочили ни дождь, ни роса, онъ освѣжался дыханіемъ прекрасной царевны, которая отличила его отъ прочихъ цвѣтовъ. Правда, смотрѣла она и за терномъ, но какъ за растеніемъ, насаженнымъ рукою покойнаго отца. — Лишь только вечерній сумракъ ложился на землю и люди, казалось утомленные жизнью, отходили ко сну, а небо — загоралось яркими звѣздами, — чудный *бубули* (соловей) слеталъ на тотъ розанъ и пѣлъ сладкозвучныя пѣсни. Онъ пѣлъ веселье и счастье, надежду и радость, и внимали ему лишь звѣзды, да она — молодая царевна... Какъ былъ хорошъ тотъ бубули, Тамара, въ почую пору, при звѣздномъ мерцаніи, когда ни шорохъ пустыннаго вѣтра, ни говоръ усыпленныхъ людей не прерывали его пѣсенъ!... Какъ хороша была та царевна, Тамара, одна подъ сводомъ небесъ, убранныхъ мириадами чудныхъ свѣтлы... Какъ голодный не можетъ насытиться сахаромъ, такъ смертный не могъ бы насмотрѣться на ея прелести...; такъ и я, царица, не могу описать ихъ тебѣ... Стало досадно завистливому терну, что розанъ такъ скоро сталъ цвѣтомъ любимымъ бубули, любимцемъ прекрасной Царевны. Обидѣлъ онъ колючими вѣтвями корни товарища и сталъ ихъ подгачивать. Предвидя утрату любимаго цвѣта, бубули сталъ чаще садиться на розанъ и пѣть сладкозвучнѣе. Печаль и тоска, досада и ревность, — все было въ треляхъ его. Сгрустнулось прелестной царевнѣ и стала она искать средствъ усюкоить завистливый тернъ. «Отрубить у него вѣтви нельзя, подумала царевна, не лучше ли будетъ выбрать изъ нихъ молодья и привить ихъ къ розану.» Подумала и сдѣлала: садовники привили терновые вѣтви къ нѣжному растенію. Соловей при-

летать по прежнему, и даже чаще; но пѣсень его ужь не было слышно. Вскорѣ иссохли тѣ вѣтви, царица, увяла и розанъ . . . . .

— Жалко, сказала Тамара, лишилась царица булбули.

— Жалко и розана, прибавилъ Руставель. Не такъ ли, царица, не могутъ сойтись, не говорю слыться, два Божія созданія, противныя другъ другу, какъ тотъ розанъ и тернъ? Не такъ ли и мнѣ, Тамара, не возможно сойтись съ твоими кичливыми царедворцами? . . .

— Положись на меня, Руставель, и все будетъ возможно. Повѣрь, что тѣ садовники не были искусны въ своемъ дѣлѣ.

— Противъ природы, царица, человекъ не въ силахъ идти. По моему, лучше бы было пересадить тотъ тернъ, или же срѣзать его и бросить.

— А не лучше-ли бѣ было не пускать соловья? сказала сухо Тамара.

Руставель молчалъ.

— Руставель, сказала Тамара, послѣ минутнаго молчанія, давно я собираюсь высказать тебѣ то, о чемъ я въ последнее время особенно думала. Тебѣ хорошо извѣстны отношенія мои къ тебѣ; следовательно, какъ не можешь сомнѣваться въ моемъ расположеніи, такъ не долженъ удивляться откровенности, съ которою намѣрена я теперь говорить съ тобою.

Руставель, молча, сталъ на колѣни и поцѣловалъ край ея одежды.

— Шота, продолжала Тамара, ты сказалъ правду, что я отличила тебя отъ прочихъ своихъ подданныхъ; я скажу вѣрнѣе, что отличили тебя твои личные достоинства:—умъ, прямота души, преданность къ престолу. Я привыкла смотрѣть на тебя не какъ на раба, который долженъ лобызать слѣды ногъ своего повелителя и, съ каждымъ взглядомъ и словомъ его ожидать себѣ смерти, но какъ на приближеннаго, лучше сказать, на товарища, который можетъ сидѣть за одною трапезою со мною.

Тебѣ извѣстно, Шота, что я окружена сотнею придворныхъ, которые, при каждомъ совѣщаніи сомною о пользахъ Божомъ ввѣреннаго мнѣ народа, начинаютъ рассказывать мнѣ свои длинные родословныя, надѣясь получить отъ меня то, въ чемъ отказывалъ имъ добрый родитель мой. Старапія ихъ тщетны. Я не намѣрена дробить своего царства, а тѣмъ болѣе единства власти, какъ одной изъ главныхъ причинъ благоденствія моего народа; точно также, какъ не желала бы я изъ этихъ щедрыхъ, презрѣнныхъ рабовъ видѣть когда нибудь гордыхъ владѣльцевъ огромныхъ помѣстій, которые бы дерзали безобразно провозносить мое имя и, не слѣзая съ коня, проѣзжать мимо моего замка. Имъ извѣстны уже мои намѣренія, и они ждутъ удобнаго случая доказать мнѣ на дѣлѣ права свои на обширныя царскія владѣнія, думая, что я, какъ слабая и неопытная женщина, не въ силахъ буду имъ противиться. Безумные! . . . забывають они, что прежде чѣмъ мать моя родила меня на свѣтъ, я была уже законною ихъ царицею, и прежде чѣмъ вступила на тронъ отецъ моихъ, то многихъ изъ нихъ уже осудила на позорную смерть. . . . Но, Руставель, продолжала Тамара, познивъ голосъ, тебѣ извѣстно и то, въ какомъ видѣ перешло ко мнѣ Царство изъ рукъ престарѣлаго и набожнаго моего родителя, который думалъ болѣе о внутренней его безопасности, чѣмъ о внешней; границы наши до сихъ поръ не защищены, войска у насъ мало, а пускать наемныхъ волковъ въ стадо овецъ, я не рѣшаюсь. Прелестная же намъ война нынѣшняго года, должна рѣшить участь Грузія. При такомъ положеніи дѣлъ, когда каждый изъ презираемыхъ тобою царедворцевъ моихъ обязанъ выставить всѣхъ своихъ людей и служить мнѣ правою рукою, когда отъ одного слова моего, произнесеннаго передъ ними съ упрекомъ или угрозою, можемъ мы имѣть жертвою гнусной измѣны, — при такомъ положеніи дѣлъ,

говоря я, Руставель, ты настойчиво требуешь, чтобы я, подобно тому терну, срѣзала ихъ, какъ вредныя растенія . . . . .

Руставель слушалъ со вниманіемъ, скрестя на груди руки.

— Шота, произнесла Тамара, возвыся голосъ; рѣдки бываютъ минуты, въ которыя бы я предъ кѣмъ нибудь изъ своихъ подданныхъ была такъ откровенна, какъ теперь предъ тобою. Пусть это не покажется тебѣ моею слабостію. Слушай! человекъ часто бываетъ поставленъ между двумя неизбежными крайностями, не всегда противоположными, такъ-что незнаетъ, къ какой обратиться. Бываетъ крайность между добромъ и зломъ, но бываетъ и между каждымъ изъ нихъ. И такъ, еслибъ сейчасъ же, въ эту минуту, предлагали тебѣ оружія:—одно богатое и изукрашенное дорогими камнями, но негодное къ употребленію, а другое — старое и простое, но единственное для боя, то которое изъ этихъ оружій ты выбралъ бы себѣ, разумеется, не имѣя самъ ни того ни другаго?

— Выбралъ бы послѣднее, но только для боя, отвѣчалъ не думая Руставель.

— Прекрасно. Еслибъ позвали тебя на пиръ и ты, чтобъ, по примѣру другихъ, одарить хозяина, долженъ бы лишиться одного изъ дорогихъ камней, украшающихъ теперь твою платю, то вынулъ ли бы ты тотъ камень, который блестѣлъ бы ярче, но легче вынимался, или тотъ, который былъ бы по проще, но вынимался съ трудомъ и не безъ поврежденія платя?

— Еслибъ не имѣлъ я другаго платя, то не вошелъ бы на пиръ, отвѣчалъ холодно Руставель.

— Это не отвѣтъ. Но ежели бы отъ твоего присутствія зависѣла честь и слава твой и твоей родины, — на что бы ты рѣшился?

— Не стану бы портить платя.

— Прекрасно. Еслибъ теперь, при крайнемъ неможеніи твоего отечества, ты былъ отцемъ пятирѣхъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, младшій годами, былъ бы прекрасенъ, какъ розанъ, но слабъ, а остальные безобразны, какъ тернъ, но храбры какъ львы, и тотъ же самый хозяинъ пира, среди многочисленныхъ гостей, сталъ бы требовать у тебя, для блага и защиты отечества, въ жертву, или любимаго тобою младшаго сына, или же четырехъ его братьевъ, не любимыхъ тобою, — то на что рѣшился бы ты, зная, что эти четверо могутъ спасти миллионы твоихъ согражданъ? . . .

— Тамара, сказалъ Руставель дрожащимъ голосомъ, принеси меня въ жертву, если . . . . .

— Я не обрѣкаю тебя! — опасность не такъ велика, чтобы я нуждалась въ твоей смерти; но теперь я только требую отъ тебя жертвы и самой ничтожной.

— Приказывай, царица . . . . .

— Шота, тебѣ извѣстенъ ропотъ моихъ придворныхъ, который со дня на день усиливается; извѣстно и то . . . . .

— Что я причиною ропота, прервалъ Руставель.

— Да. Ты видишь и шаткое положеніе трона моего отца; но, чего не успѣлъ сдѣлать покойный Царь Георгій, то сдѣлаю я! Если некрятель при немъ дерзалъ проходить до середины царства и требовать себѣ за трудъ вознагражденія; то при мнѣ и птица изъ вражеской земли не осмѣлится пролетѣть чрезъ мои владѣнія. Если я часто бываю принуждена уступать необходимости, — за то настанетъ время, когда всякая необходимость и воля, — будутъ покорны мнѣ. . . . . Поэтому, Шота, и теперь я должна уступить требованію моихъ царедворцевъ, — чтобы тебѣ не было при мнѣ . . . . .

— Чтобы меня не было . . . . . произнесъ Шота съ горькою усмѣшкою; за чѣмъ же дѣло стало? . . . . . Такъ вотъ гдѣ величіе твое, гордая царица, которымъ ты стараешься окружить себя! . . . . ты ищешь защиты у своихъ подданныхъ . . . . .

— Ошибаешься, Руставель: я ищу не защиты, но покорности, по долгу царскому.

— И ты думаешь, царица, что жертва моя можетъ покорить ихъ тебѣ? изъ хищныхъ звѣрей содѣлать ихъ ручными животными? — Если такъ, то . . . . .

— Я въ этомъ увѣрена болѣе, чѣмъ ты въ своей преданности ко мнѣ. Слушай, Руставель! въ продолженіи двулѣтняго пребыванія твоего при моемъ дворѣ, я сумѣла понять и достойно оцѣнить тебя; — поэтому говорю, что эта жертва, — наша обоюдная. . . . . Что скажешь на это?

— Покорюсь твоей волѣ. Но знай, царица, что прежде чѣмъ осѣлаю коня, то никого изъ этихъ щедрыхъ страшилищъ твоихъ не будетъ въ этомъ замкѣ.

— Что ты хочешь сказать?

— То, Тамара, что я иду вызывать каждаго изъ нихъ на смертнѣй бой. Они хотятъ, чтобы меня не было, — пусть исполнить свое желаніе. . . . побѣдителя увидишь . . . . .

— Побѣдителей и желала бы видѣть на полѣ брани, а не дома. Побѣжденный дома, есть побѣдитель. Но я жду отъ тебя, Руставель, другаго отвѣта, — скажи мнѣ, что ты думаешь о томъ, что и мнѣ не хотѣлось бы разставаться съ тобою?

Руставель долго молчалъ, вперивши глаза въ Тамару. Наконецъ закрылъ лицо руками и произнесъ:

— Боже! . . . какъ жалокъ человекъ . . . . .

— Слушай меня, Шота, продолжала Тамара, я придумала прекрасное средство — исполнить наше желаніе. Въмѣсто того, чтобы тебѣ каждый день пересчитывать по пальцамъ своихъ враговъ и вызывать ихъ на бой, я бы совѣтовала тебѣ помириться съ ними . . . . .

— Помириться съ ними? И не мнѣ-ли еще искать къ тому случая? . . . . .

— Случай ужь есть. Ты знаешь, Шота, какъ народъ любитъ и уважаетъ полководца Захарія. Правда, онъ лукавый старикъ, но какъ любимецъ покойнаго родителя моего, онъ болѣе другихъ мнѣ преданъ. Сблизивши тебя съ нимъ, я не ошибусь въ расчетъ: изъ этихъ ненавистныхъ тебѣ царедворцевъ моихъ, ты приобрѣтешь себѣ лучшихъ друзей, а я устраню раздоры и сплетни, которые завелись при моемъ дворѣ и причиною которыхъ считаютъ тебя . . . . .

— Меня? . . . . . Довольно, царица, я понялъ остальное . . . . .

— Выслушай, Шота, ты понялъ не такъ. Большая часть царедворцевъ — кровные родственники Захарія. Они обладатели огромныхъ помѣстій, а самъ онъ, кромѣ того, обладатель единственной дочери, прекрасной Нины. Скажу тебѣ откровенно, Руставель, что еслибъ Творцу не угодно было создать меня въ образѣ Тамары, то желала бы родиться въ образѣ Нины. Ты самъ видишь ее часто. . . . . Мнѣ говорили, что она сильно тебя любитъ; говорили и то, но только давно, что старый Захарій не отказалъ бы тебѣ въ ея рукѣ. Шота, я желала бы видѣть ее твоею супругою.

— Ты ли это говоришь, Тамара? . . . . .

— Я говорю, и отвѣчай мнѣ не сердцемъ, а разумомъ. Выбери себѣ любое мѣсто въ моемъ царствѣ, женись на Нинѣ и не забывай навѣщать мой замокъ.

— Душевно благодарю тебя, царица, за высокое вниманіе твое къ бѣдному рабу, отвѣчалъ Руставель съ горькою ироніею; но, какъ рабъ, который доведенъ до послѣдней степени мучительной пытки, умоляю тебя, государыня, объ одномъ: — позволь оставить царство твое, обширное и славное, родину мою, ... позволь мнѣ, Тамара, удалиться. . . . .

— Ты воленъ! отвѣчала сухо Тамара. Если не хочешь дорожить спокойствіемъ моимъ, то тѣмъ менѣе могу я дорожить тобою. Подобныхъ тебѣ поданныхъ у меня много, а царица Тамара у нихъ одна. Иди. . . . въ моемъ замкѣ не найдешь отпывѣ ни службы, ни гостепримства! . . . . Съ этими словами Тамара растворила двери и вышла въ пріемную комнату. (Продолженіе будетъ).

До сего времени поступаютъ требованія въ Редакцію Кавказа, о высылкѣ годоваго изданія газеты; но какъ всѣ экземпляры за первое полугодіе уже разобраны, то Редакція имѣетъ честь увѣдомить тѣхъ Гг. подписчиковъ, которые послѣ 1-го іюля выслали деньги за годовое изданіе, что листки Кавказа они получаютъ только съ начала втораго полугодія; а остающіяся за тѣмъ 3р. 50к. сер. отъ каждаго экземпляра, во избѣжаніе обременительной для Редакціи переписки и напрасной траты при пересылкѣ денегъ, зачтены за тѣми лицами въ числѣ подписной суммы за изданіе слѣдующаго года. Если же кому угодно будетъ получить эти деньги обратно, то, по увѣдомленіи о томъ, таковыя будутъ высланы немедленно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ разрѣшенія Начальства, во вторникъ, 6-го будущаго Августа, назначается въ Тифлисѣ конская скачка. Желающіе пустить своихъ лошадей, приглашаются записывать ихъ со времени сего объявленія до 3-го числа Августа, въ Нагорной улицѣ, въ домѣ Питоева у чиновника Мостицкаго, у котораго можно видѣть условія скачки.

ПРІѢХАВШІЕ И ВЫѢХАВШІЕ.

Пріѣхавшіе въ Тифлисъ.

19 Іюля: Изъ г. Александрополя, Шт.-Кап. Макринакъ.

Изъ г. Накичевана, Тит. Сов. Лавиъ. 20 Іюля: Изъ г. Симферополя, Полк. Славичъ. Изъ г. Эривани, Тит. Сов. Бержангевъ. Изъ ур. Гергеры, Прап. Кузьминъ. Изъ г. Ахалцыха, Фельдшеръ Лопинъ. Изъ ур. Манглиса, 9-го кл. Монастырскій. 21 Іюля: Изъ кр. Новозакаталь, Дѣйств. Стат. Сов. Шербицишъ, Стат. Сов. Андріевскій, Полковн. Верескинъ, Поруч. Кн. Дуидукъ-Карсаковъ и Прап. Замлинъ. Изъ кр. Владикавказа, Ген.-Маіоръ Коцебу. 22 Іюля: Изъ С.-Петербурга, Контр.-Адмиралъ Путятинъ. Изъ кр. Владикавказа, Подполк. Графъ Галатери и Пор. Давидовъ. 23 Іюля: Изъ ур. Мухрованъ, Подполк. Трефуртъ. Изъ г. Шемахи, Кол. Сов. Товарищій. Изъ г. Эривани, Штабъ-Лекаръ Михайловскій. 24 Іюля: Изъ г. Кутаиса, Кап. Кн. Сумбатовъ. 25 Іюля: Изъ Самурскаго Отряда,

Полковн. Ганзенъ и Кап. Кауфманъ. Изъ ур. Бѣлаго-Ключа, Маіоръ Сурацовъ. Изъ ур. Царскихъ-Колодець, Кап. Ивановъ, Поручики: Михайловъ и Четвериковъ.

Выѣхавшіе изъ Тифлиса.

19 Іюля: Въ С.-Петербургъ, Кап. Хорунженко. 20 Іюля: Въ г. Москву, Маіоръ Ильинъ. 21 Іюля: Въ с. Норі, Шт.-Кап. Астафьевъ. Въ г. Ахалцыхъ, Прап. Кузьминъ. 23 Іюля: Въ укр. Темиръ-Ханъ-Шуру, Поруч. Ванкинъ. 25 Іюля: Въ г. Астрахань, Контр.-Адмиралъ Путятинъ. Въ ур. Мухрованъ, Подпоруч. Краузе.